Один из посетителей нашего сайта, назвавшийся просто Александром, после короткой публикации в разделе «Памятные даты» на нашем сайте, прислал довольно подробную биографическую справку о А.Е.Снесареве. Должны признаться многое из этого материала мы не знали. Думаем, он будет интересен и другим посетителям нашего сайта, поэтому приводим его полностью. В очередной раз вынуждены констатировать, что совершенно забытым у себя на родине оказался очень неординарный человек.

Андрей Евгеньевич Снесарев родился в 1865 году в слободе Старая Калитва Острогожского уезда Воронежской губернии в семье священника. Традиционный путь получения образования для тех времен – прогимназия в станице Нижне-Чирской, Новочеркасская гимназия закончена с серебряной медалью, в 23 года блестяще окончен физико-математический факультет Московского Университета. Казалось бы – неплохое образование для штатского человека? Однако резкий поворот судьбы – Андрей Снесарев поступает на военную службу и оканчивает Алексеевское пехотное училище (с занесением имени на мраморную доску). Семейные предания не сохранили рассказов о причинах такого шага, по нынешним временам могущего показаться весьма странным, но то, что дед никогда не жалел о сделанном выборе, известно доподлинно. После училища началась служба в полку и подготовка к поступлению в Академию Генерального Штаба. Кроме того продолжались занятия пением, и состоялся дебют в Большом театре. Он исполнил партию Невера в опере Мейербера «Гугеноты». Судя по всему, в эту же пору начинаются его занятия на Курсах восточных языков. После поступления и блестящего окончания основного и дополнительного курсов Академии Генерального Штаба, Снесарев получил назначение в Туркестанский Военный Округ. Там и началось его непосредственное знакомство со Средней Азией (в нашем понимании этого термина), Афганистаном, Индией. Непростые отношения с Англией в то время предопределяли направленность военных усилий России на этом театре – попытаться обеспечить воздействие на Англию, давлением либо угрозой давления на жемчужину тогдашней Британской Империи – Индию.

Практически сразу после завоевания Россией Туркестана началось планомерное и систематическое исследование этих мест и прилегающих территорий. Естественно, что это делалось военными людьми – среди хорошо нам известных имен исследователей Средней Азии – Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, Н.Л. Корженевский, Л.Г. Корнилов, В.Н. Зайцев, А.Е. Снесарев, А.П. Федченко и многих других. Все они при своих исследованиях выполняли те или иные военные задачи.

Служба Снесарева в Туркестане началась с командировки вместе с А.А. Полозовым в Индию через Афганистан. Естественно, задачи в этой командировке ставились перед русскими офицерами вполне конкретной военной направленности. В письме деда, написанном в то время сестре К.Е.Комаровой есть такие строки: *“Я, перед отъездом из Ташкента, написал тебе письмо… В нем я забыл упомянуть, что некоторые сведения к своему начальству я буду посылать через тебя и следующим образом: желая, чтобы ты сообщила что-либо от меня, я тебе буду писать, напр.: ”передай дяде Всеволоду, что я то-то и то-то …” Если описание моего действия тебе будет не понятно, то ты воспроизводишь сказанное мною просто в кавычках, т.е., напр., “передай дяде Всеволоду, что я охотился в окрестностях Амбалы и результаты охоты будут очень удачны”; тебе не понятна эта “охота” и потому ты будешь писать так:Милостивый Государь Всеволод Викторович! В письме своем от (такого то) числа из (такого) города брат просит сообщить Вам о своей работе, что он характеризовал следующей фразой: “я охотился в окрестностях Амбалы и результаты охоты были очень удачны”. Примите уверение в моем глубоком уважении Клавдия Комарова Письма свои ты будешь адресовать так: Его Превосходительству Генерал-Майору Всеволоду Викторовичу Сахарову Начальнику Штаба Туркестанского Военного округа, г. Ташкент.”*

Сейчас эти письма кажутся несколько наивными, но направленность занятий описывают хорошо. Выступив из Ташкента, миновав по дороге Ош, пройдя по Памиру, перейдя территорию Афганистана, русские офицеры достигли Индии. Читатель, побывавший в тех местах в наши дни, может себе хорошо представить, что представляло собою такое путешествие в конце XIX века.

Гильгит, Сринагар, Симла, Лахор, Амритсар, Дели, Агра, Бомбей, Калькутта, Коломбо – список городов, в которых Снесареву довелось побывать во время путешествия в Индию довольно красноречив, и можно прекрасно понять человека влюбившегося в Индию, увидев эти ее красоты. Широко общаясь с англичанами в этих поездках, дед был представлен лорду Керзону, в то время Вице-королю Индии. Из индийского путешествия Снесарев вернулся с массой материалов и впечатлений, в дальнейшем послужившими ему хорошей основой в работах по Индии и Афганистану, с любовью к Индии и ее народу и со стойким неприязненным отношением к англичанам – знакомство с их колониальными порядками оставляло не лучшие воспоминания и у наших предков, отнюдь не страдавших излишними сентиментальностью и чувствительностью.

После командировки в Индию последовала работа в штабе Туркестанского

военного округа, командировка в Англию, назначение на пост начальника Памирского отряда. И снова Памир, бесконечные поездки по подведомственным территориям и постам, сбор сведений от агентов о соседних Афганистане, Индии, англичанах, разбор споров местного населения, написание отчетов и рапортов начальству. Письмо с Памира сохранило нам описание его забот и тревог того времени: «К.Е.Комаровой, 17 августа 1902 г.

Только что приехал из объезда своих западных постов и застал целую кипу писем. В поездке был 8 дней: надо было посмотреть 2 поста, [которые] я еще не видел, а, главное, замутили дело англичане: разведка донесла мне, что 300 человек их войска заняли Сархад (важный пункт в узкой афганской полосе, отделяющей меня от англо-индийских владений). Взял я с собою отсюда 12 казаков и через 4 дня прибыл на Лянгарский пост (в 80 верст[ах] от Сархада). Здесь у меня образовалось: 2 офицера, врач (классный фельдшер), 28 казаков и 16 солдат + несколько (45) вооруженных туземцев. В штаб донес, что если англичане не очистят Сархада, то или двинусь их выгонять, или займу пункт не менее важный чем Сархад.
…Вероятно, услышав о моем приходе, они удрали как зайцы. Бегство их тебе будет понятно, если ты вспомнишь, как боятся русских в Азии… Кроме того, я велел распустить слух, что еду с 25 казаками, сзади меня идут еще казаки, а с вооруженных постов пошла целая сотня.

После перевода в С.-Петербург на службу в Управление генерала-квартирмейстера Генерального Штаба, то есть, в современной терминологии, в разведывательное управление, известная нам ныне общественная деятельность Андрея Евгеньевича приобретает новые размах и направленность – появляются его первые научные труды, продолжается широкая педагогическая и публицистическая работа, в основном сконцентрированная на вопросах ориенталистики. Ощущение надвигавшейся Мировой Войны возникло в Европе задолго до ее начала, и подготовка к ней началась полным ходом. Из Петербурга был направлен в Армию начальником Штаба 2-й Казачьей Сводной дивизии, в войска первого эшелона, расположенные непосредственно на границе. До войны он успевает поучаствовать в работе разграничительной комиссии на границе с Австро-Венгрией. С первого дня военных действий – Снесарев на Юго-Западном Фронте. За время войны он участвовал более чем в 75 боях, пройдя служебный путь от командира полка до командира корпуса.

Очень тяжело переживал Снесарев все, что случилось с Россией после февраля 1917 года. Грустные картины разложения армии и страны прошли перед его глазами. Осторожные надежды на лучшее быстро сменились глубочайшим разочарованием и порою полным неприятием происходящего. В его дневниках и письмах домой той поры встречается много пронзительных строк, полных тяжелых раздумий о судьбе Отечества.

Сейчас нам довольно сложно понять причины, по которым в те времена выбиралась одна из сторон противостояния, разделившего Россию на красное и белое. Друг, сослуживец и крестный отец двух сыновей Снесарева – Лавр Георгиевич Корнилов стал одним из лидеров белого движения, дед же оказался на стороне красной. Почему? Вопрос очень сложный, и вряд ли имеющий однозначный ответ. Нам сейчас остается только догадываться. Но одно из его размышлений об этом видно из письма к брату Павлу: “…покинуть Родину можно, … но с кем же страна останется, и что с нею будет?”

В 1918 году А.Е.Снесарев поступил на службу в Красную Армию. В мае его назначают военным руководителем Северо-Кавказским военным округом. Вот как это было отражено в его дневнике:*…Сегодня получил директиву, которая меня окрыляет — задача чисто боевая и притом с немцами... могу на «контр-революционеров» махнуть рукой...*

На посту командующего СКВО в Царицине деду довелось работать с И.В. Сталиным, К.В. Ворошиловым, С.М. Буденным. Семен Михайлович в воспоминаниях «Слово о старшем друге» написал: Андрей Евгеньевич Снесарев… Впервые я встретился с ним летом 1918 г. под Царицыном (тогда он был командующим Северо-Кавказским военным округом). …Помню, вместе с членом Реввоенсовета 10-й Красной Армии И.В. Сталиным Андрей Евгеньевич приехал на участок 37-й стрелковой дивизии… Когда нас, группу командиров, представили А.Е. Снесареву, я увидел высокого пожилого человека с безукоризненной военной выправкой, в полной форме генерал-лейтенанта старой русской армии. Меня, как и других, прежде всего, удивило, почему Снесарев в генеральских погонах: ведь красноармейцы относились к «золотопогонникам» с неприкрытой враждой, и носить погоны было небезопасно. Кто-то даже сказал ему об

этом. Андрей Евгеньевич ответил: «Погоны – знак военных заслуг перед Отечеством. К тому же меня никто не разжаловал». …Но вот кончилась гражданская война. В 1923 году меня назначили помощником Главкома по кавалерии и членом РВС республики. В Москве я узнал, что А.Е. Снесарев преподает в академии РККА. Однажды я пригласил его к себе на квартиру. Наша встреча была исключительно теплой и сердечной. Андрей Евгеньевич обнаружил поразительные знания всех операций Конного корпуса и Первой Конной армии… В тот день мы говорили о многом. В последующем А.Е.Снесарев часто, не менее двух раз в неделю, бывал у меня и неизменно наши беседы превращались в дружескую дискуссию по вопросам общей тактики, оперативного искусства и стратегии. По совету М.В. Фрунзе я начал серьезно заниматься теорией военного дела. И первым моим учителем стал А.Е. Снесарев. …Снесарев был большим русским патриотом. Он любил Россию и с гордостью говорил, что его знания и жизнь принадлежат народу. …В моей памяти Андрей Евгеньевич остался как верный сын нашей Родины, талантливый военный специалист, многосторонний педагог и теоретик.»

В Царицыне же произошло очень серьезное столкновение деда со Сталиным, в те времена бывшего комиссаром Юга России по хлебозаготовкам. 16 июля 1918 г. Сталин телеграфировал Ленину:

«...Теперь две просьбы к вам т. Ленин: первая – убрать Снесарева, который не в силах, не может, не способен и не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками казаками. Может быть он и хорош в войне с немцами, но в войне с контрреволюцией он – серьезный тормоз, и если линия до сих пор не прочищена, – между прочим потому и главным образом потому, что Снесарев тормозит дело».

После драматических событий и вмешательства центра Снесарева перевели в Смоленск, командующим Западной завесой, преобразованной позже в XIV-ю Армию. Далее последовало назначение на пост начальника Академии Генерального Штаба (позже Академии РККА). В 20-х годах А.Е. Снесарев преподавал в нескольких военных Академиях, руководил институтом Востоковедения, занимался становлением разведки на восточном направлении. В эти годы им написано множество трудов по востоковедению, тактике и стратегии военного искусства, философии.

В 1928 году за многолетнюю и плодотворную деятельность по строительству Вооруженных сил деду в числе первых было присвоено только что введенное звание «Герой Труда».

В январе 1930 года А.Е.Снесарев был арестован и приговорен к высшей мере сначала по одному, а чуть позже и по второму делу. Как выяснилось сравнительно недавно, Сталин был в курсе этих событий и, видимо, следил за ними. В ноябре 1989

года в Лондоне, на широко известном аукционе Сотбис, была продана небольшая записка Сталина, адресованная Ворошилову. Текст ее был краток:

«Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ью годами. И. Сталин».

И хотя вмешательство Сталина спасло Снесарева от расстрела, лагерей он не миновал. Свирлаг, Соловки, тяжелая работа для немолодого уже человека оказались выше его сил – последовали тяжелая болезнь, условно-досрочное освобождение по состоянию здоровья и окончание жизни в 1937 году. Конечно, позже А.Е.Снесарев был реабилитирован.